

Выяснение того факта, что текст «Адской почты» представляет собой очень сложную по составу амальгаму, открывает новый подход к вопросу о том, в какой степени сатира Эмина была обобщенно-вневременной, осмеивавшей пороки в их общечеловеческом, отвлеченном от конкретных условий времени и места проявления, а в какой она отражала специфические черты живой русской жизни конца 1760-х гг. и метила в реальные события и реальные лица.

Опора на иностранного источник вряд ли могла пройти незамеченной читателями-современниками; их натренированному глазу, привыкшему каждодневно видеть «свое», русское, она не могла не броситься в именах и не свойственных отечественному быту реалиях и ситуациях. Этим злободневность сатиры в сознании русского читателя притуплялась, насмешка приобретала несколько абстрактный характер. Снять этот эффект хотя бы частично было призвано «склонение» французского материала «на отечественные нравы», к которому Эмин прибегал нередко, но не столь часто, чтобы полностью русифицированные очерки составляли большие непрерывные массивы писем. Пример подобной актуализации дает письмо № 7, интересное, в частности, еще и тем, как искусно пользуется Эмин французским источником, чтобы направить сатирические стрелы на французское засилье в России. Сатирический портрет парижского торговца, который, мошеннически объявив себя банкротом, в один день разбогател за счет разорившихся кредиторов (D 22—26), расцвечен всяческими русскими реалиями. Этот француз в интерпретации Эмина был на родине кучером итальянского купца, в России назвался бароном, стал воспитателем детей знатных господ, но питомцев ничему не учил, а ездил по домам и продавал разную галантерею, превратившись постепенно из щепетильника и гувернера в купца, пользовавшегося огромным доверием покупателей и кредитом у торговых людей (VII, 25—26). В письме прорывается не только возмущение галломанией в общей форме, но чувствуется и биение пульса острой конкурентной борьбы между русскими и французскими торговцами, из которых последние чаще, по-видимому, оказывались проворнее и вызывали этим вражду в купеческих кругах столицы (VII, 27).

Актуализации заимствованного материала служило и активное участие «Адской почты» в журнальной полемике 1769 г., в которой одним из главных объектов дискуссии был поднят вопрос о правомерности и воспитательной ценности осмеяния пороков, и в том числе о допустимости сатиры на реальные лица.³⁸ Точка зрения Эмина, сформулированная тремя годами ранее

³⁸ Подробно см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 166—173; Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 101—124.